

Социология культуры в Японии и США

Ю. В. СТАВРОПОЛЬСКИЙ

(ЭНГЕЛЬССКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ) САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Ю. А. ГАГАРИНА)

В статье рассматривается проблема формирования японской социологии культуры, в которой отразилось влияние американской социологии культуры. В Японии социология культуры (*bunka shakaigaku*) до Второй мировой войны развивалась в когнитивных рамках, которые сформировались в немецкой науке в конце XIX и в начале XX в. Под влиянием немецкой науки термин *bunka* («культура») приравнивался к идеализации духа нации. Дисциплина под названием *minzokugaku* (фольклорные исследования обычаев и искусств) была в маргинальном положении. Американизация японского высшего образования, проведенная оккупационными силами после 1945 г., преобразовала академическую жизнь Японии.

Переориентация японской социологии в направлении эмпирической общественной науки привела к тому, что понятие культуры стало пониматься скорее в качестве набора конкретных практик на уровне повседневной жизни либо в качестве общих материальных кодов. В этом отношении на послевоенную японскую социологию сильно повлиял Т. Парсонс.

В настоящее время наиболее заметным аспектом японских социологических исследований культуры остается исследование таких популярных культурных феноменов, как молодежная субкультура, роль медиа, гендер и сексуальность. Разрыв между институциализированным знанием, отличающимся дисциплинарной строгостью, и информацией, которую воспроизводят и распространяют СМИ, стимулирует в японском контексте такие исследования культуры, которые предполагают ломку дисциплинарных границ.

Ключевые слова: социология культуры, японская социология, американская социология, история социологии, *bunka shakaigaku*.

ВВЕДЕНИЕ

За последние два десятилетия культура приобрела значение одной из важнейших областей в американской социологии. Речь идет не только о количественном увеличении секции социологии культуры в Американской социологической ассоциации. Добавление культурной перспективы выявило новую проблематику таких самостоятельных, но взаимосвязанных областей социологии, как компаративная исто-

рическая социология, экономическая социология и социология коллективного действия.

Многие социологи культуры вступили в дискуссии по вопросу о понятии культуры, в которых проявилось широкое разнообразие подходов и точек зрения, за каждой из которых существуют особые эпистемологические предпосылки: интеракционистское, семантическое, эндогенное/экзогенное, структурное/функционалистское объяснения культуры. Впечатляет энергетическая насыщенность американской социологии культуры. В этой связи представляет интерес исследование различий между академическими концепциями культуры в национальных и региональных контекстах.

Современная киберглобализация академического знания характеризуется такими культурными кодами и молчаливыми предположениями, которых большинство ученых, действующих в каком-либо одном физическом месте, преимущественно не замечают. Например, среди американских социологов культуры за последние два десятилетия возникла тенденция определять фокус эмпирического исследования, исходя из концептуально разработанного понятия культуры. За пределами США понятие культуры тоже подвергается критическому осмыслению, однако подъем социологии культуры в качестве самостоятельной дисциплины, тесно связанной с эмпирическими исследованиями, — это характерная американская особенность. Попробуем рассмотреть эту институциональную особенность американской социологии культуры, отразив ее в японской социологии культуры как в зеркале.

ЯПОНСКИЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

В академическом социальном мире существует множество охранительных институтов, начиная с правил, управляющих академическим рынком труда, системами финансирования научных исследований, стилями академического публичного дискурса, до критериев определения качества научной работы. Тем не менее эти академические институты формируются главным образом по национальному либо по региональному принципу. Так обстоит и в Японии. В Японии существует критическая масса высокоразвитых академических институтов, которая включает примерно 700 колледжей и университетов, систему послевузовского образования, широкую хорошо образованную читающую аудиторию, активно действующую коммерческую книгоиздательскую индустрию, полномасштабную индустрию средств массовой информации, в том числе кибермедиа, и все это функционирует исключительно на японском языке. Ни в одном другом обществе Азии и Африки, за исключением Японии, академический рынок труда в области общественных наук не отказывает в автоматических преференциях молодым ученым, получившим докторскую степень в американских или в европейских университетах. В Японии действует отечественная система воспроизводства новых поколений ученых, а молодые ученые ассимилируются в существующую академическую среду. Все перечисленные особенности привели к относительно высокой степени автономии японских академических институтов от внешнего мира.

В японской социологии существуют конкурирующие стили интеллектуальной культуры и научно-исследовательские парадигмы. Одни ученые более непосредственным и систематическим образом вовлечены в современные американские и европейские социологические практики, чем другие. Но при этом, поскольку ученый работает в японском институте и пользуется японским языком в качестве основного средств-

ва дискурса, он не свободен игнорировать правила игры, действующие в японском академическом и интеллектуальном мире. Соответственно современная глобализация академического обмена знаниями влияет на направление интеллектуальной дискуссии лишь в этом аспекте.

В условиях таких академических институтов и такой академической культуры трудно найти подтверждения тому, что последние достижения американской социологии культуры понимаются в Японии. В действительности можно отметить низкий уровень интереса к критическому осмыслению понятия культуры в качестве аналитической категории, способной направлять эмпирические исследования, вопреки тому, что в американской социологии культуры эта тенденция весьма заметна. В большинстве японских научных работ по социологии культуры (*bunka shakaigaku*) авторы придерживаются подхода, который в США занимает положение, близкое к междисциплинарным культурным исследованиям. В настоящее время наиболее заметным аспектом японских социологических исследований культуры остается исследование таких популярных культурных феноменов, как молодежная субкультура, роль медиа, гендер и сексуальность. В то же время другие работы японских социологов культуры формально более или менее приближаются к социологии знания в довоенной европейской модели. Разумеется, японские социологи, принимающие участие в международных опросных исследованиях стратификации и социальной мобильности, а также в компаративных социально-психологических исследованиях, прекрасно осведомлены о проблематике кросснациональных культурных сравнений и о трудностях перевода культурных вокабуляров. Тем не менее большая часть японских социологов не проявляет большого интереса к разработке такого понятия культуры, который мог бы направить эмпирическое исследование.

Разрыв между институционализированным знанием, отличающимся дисциплинарной строгостью, и информацией, которую воспроизводят и распространяют средства массовой информации, в Японии увеличивается. Не удивительно, что в японском контексте влиянием пользуются исследования культуры, предполагающие ломку дисциплинарных границ. Символическим проявлением этой популярности стал приезд в Японию в 1996 г. Стюарта Холла на международную конференцию «Диалог с исследованиями культуры», организованную Токийским университетом и Британским советом в Токио. Как отмечает социолог Й. Шунья (Shunya), один из поборников исследований культуры, в Японии культурные исследования сопряжены с усилиями исследователей по преодолению границ, существующих между дисциплинами (Shunya, 1998). Соответственным образом вместо продвижения в направлении создания самостоятельной социологической дисциплины социология культуры в Японии взяла на себя функцию рычага, смещающего междисциплинарные границы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Почему японская социология культуры движется в направлении междисциплинарных культурных исследований, вместо того чтобы создавать самостоятельную область социологии? Это объясняется историческими, интеллектуальными и институциональными причинами.

Изначально социология представляла для японских ученых импортированную систему знания. На протяжении конца XIX и начала XX в. в Японию были привнесены все возможные формы западной учености, включая организационную структуру университетов. В эпоху Мэйдзи (*Meiji*), японские императорские университеты создава-

лись в контексте формирования нации-государства под стремительным влиянием вестернизации. В Японии сложилась вертикальная структура академической жизни, в центре которой находились университеты, распределявшие государственное финансирование и научные должности. Соответственно не сложилось традиции автономной научной ассоциации, а дисциплины, не включенные в учебные планы университетов, не развивались.

Говоря конкретно о социологии, она в отличие от философии и естествознания была новой дисциплиной даже в Европе, где ее развивали в качестве способа понимания глубоких социальных трансформаций, переживаемых европейскими обществами. В Японию социология проникла через короткое время после того, как она сформировалась в самостоятельную дисциплину в Европе. Проблема заключалась в том, что социальный контекст применения заимствованных из Европы социологических теорий в Японии был совершенно иным. Поэтому, вместо того чтобы применять европейские социологические теории к пониманию японской социальной реальности, ранние японские социологи были склонны ограничиваться абстрактным философствованием по поводу трудов европейских социологов. В императорских университетах довоенной Японии социологи зачастую существовали на одних факультетах с философами.

Следует также отметить, что термин *bunka shakaigaku*, который буквально означает социологию культуры, имеет в Японии относительно длительную историю. Задолго до Второй мировой войны влиятельные японские социологи публиковали работы, в названии которых использовался термин *bunka shakaigaku* (Kurauchi, 1943). Например, Эйкити Сэки (Seki) в 1929 г. опубликовал работу по анализу социологии Георга Зиммеля и других современных ему немецких представителей формальной социологии и феноменологической философии (Seki, 1929). Эти ранние публикации отражают усилия японских ученых по институционализации социологии в качестве научной дисциплины, главным образом в тех когнитивных рамках, которые сформировались в немецкой науке в конце XIX и в начале XX в.

Под влиянием немецкой науки термин «культура» или *bunka* зачастую приравнивался довоенными японскими учеными к идеализации духа нации. Такое заимствованное понимание культуры не было достаточным для понимания динамики японской жизни того времени.

В 1920-е и в начале 1930-х годов Япония переживала стремительную индустриализацию в сочетании с далеко идущими преобразованиями социальных и культурных институтов. Новый городской образ жизни и заметно возросшее потребление резко контрастировали с традиционным образом жизни. Аналогично Европе конца XIX в. в центре проблематики японской социологии оказались исследования социальных трансформаций. Однако в Японии публичную функцию выполняла дисциплина под названием *minzokugaku*, или фольклорные исследования, занимавшаяся записыванием и сохранением тех обычаев и искусств, которые представлялись вымирающими в условиях стремительной модернизации. Такой видный фольклорист, как К. Янагида (Yanagida) (1875–1962), которого считают основателем японских фольклорных исследований, практиковал организованные полевые исследования и анализ текстов японской традиционной народной культуры. Многие участники движения *minzokugaku* оказались вне или в маргинальном положении по отношению к японскому академическому мейнстриму. Напротив, социологи, получившие представительство на университетских факультетах, занимались адаптацией немецких философских подходов к культуре.

*АМЕРИКАНИЗАЦИЯ ЯПОНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ:
БОРЬБА ЗА ГЕГЕМОНИЮ*

Поражение Японии в 1945 г. и американизация японского высшего образования, проведенная оккупационными силами во главе с Д. Макартуром, преобразовали немецкий интеллектуальный ландшафт довоенной японской академической жизни. Послевоенная американизация японского научного мира привела в действие политико-институциональные и культурно-символические силы. В институциональном отношении, заимствованная американская система демократичных колледжей сменила немецкую систему элитных университетов. В символическом отношении расхожая привлекательность американской массовой культуры и прагматических установок придавала немецкому эстетическому идеалу слишком формальный и абстрактный вид. Массированный поток информации об американской культуре дополнялся культурной политикой Соединенных Штатов, для которых Япония представляла собой глобальный водораздел против коммунистического культурного влияния. При участии Дж. Д. Рокфеллера культурные обмены между США и Японией значительно упростились, а программы академических обменов стали институционализированы (Matsuda, 2008).

В данном контексте американская социология с характерными для нее эмпирическими подходами вторглась в японский академический мир, а исследования повседневных аспектов культуры приобрели статус легитимных субъектов социологических исследований. Эта перемена сопровождалась попытками институционализировать дисциплинарные границы для того, чтобы усилить методологическую строгость. В одном авторитетном учебном пособии по социологии 1958 г. отмечалось: «По сравнению с немецкой наукой американская наука представлялась нам поверхностной... Однако начиная с двадцатых годов, американская социология перешла от абстрактного теоретизирования к эмпирическим исследованиям, непрерывно совершенствуя свои исследовательские методы. Нам следует по достоинству оценить эти усилия и скромно учиться у американской социологии» (Fukutake, 1958: 7–8).

Влияние американской социологии в послевоенных университетах стало не просто следствием интеллектуального выбора и симпатий японских ученых. Это была борьба за гегемонию в динамичной глобальной политике. Последовавший за закрытием императорских университетов, которых было ограниченное количество, отказ японского высшего образования от элитарности, которая являлась механизмом воспроизводства довоенного японского истеблишмента, стал главным пунктом политической повестки дня в демократизировавшейся Японии. Популяризации высшего образования способствовало возникновение множества новых государственных и частных университетов для мужчин и женщин. Подобное институциональное развитие было во благо послевоенной японской социологии. Учебные планы университетов и колледжей, сформированные на американский манер, включали социологию в качестве обязательной учебной дисциплины, что в свой черед обернулось значительным подъемом академического статуса социологии. Это был процесс окончательной институционализации социологии в качестве академической дисциплины в Японии. Гегемония Соединенных Штатов в послевоенной Японии прямо и косвенно влияла на этот процесс интеллектуальной трансформации.

Центральным вопросом социологических исследований послевоенной Японии стало соблюдение методологической строгости. Довоенный социологический стиль, отличавшийся интересом к формальным теориям и к истории западной социологии, принял новые формы. Соответственно некоторые японские социологи выражали

свою озабоченность по поводу диспаритета между теоретической социологией и эмпирическими исследованиями. Японский социолог М. Хогэцу (Hogetsu) сетовал на то, что у социологов сложился имидж телевизионных комментаторов, что указывает на отсутствие интеграции между концептуальным анализом и эмпирическими методами (Hogetsu, 2000).

У социологических исследований культуры сложились непростые отношения с послевоенной трансформацией японских академических институтов. Послевоенная переориентация японской социологии в направлении эмпирической общественной науки привела к тому, что понятие культуры стало пониматься скорее в качестве набора конкретных практик на уровне повседневной жизни либо в качестве общих материальных кодов. В этом отношении на послевоенную японскую социологию сильно повлиял Т. Парсонс. Его приезды в Японию в семидесятых годах и сотрудничество с такими влиятельными японскими социологами, как К. Томинага (Tomimaga), способствовали формированию центрального тренда японской социологии (Buxton, 2000). С другой стороны, из американских эмпирических подходов сформировался стержень послевоенной японской социологии, а исследования культуры стали окрашиваться в политическую критику происходящих трансформаций японского общества. В этих условиях ученые, занимавшиеся социологическими исследованиями культуры, оказались в маргинальном положении либо за пределами формальной социологической дисциплины.

Кроме того, в среде ученых и интеллектуалов, занимавшихся культурными исследованиями, глубоко укоренилось антиакадемическое сомнение в том, что импортированные теории пригодны для понимания японской культуры. Несмотря на демократизацию и доступность высшего образования в послевоенной Японии, тем не менее процесс американизации японской академической жизни не поколебал существовавшей университетской иерархии и структурного главенства министерства образования. Токійский университет и Киотский университет (до войны оба — императорские университеты) сохранили прежний элитарный статус научно-исследовательских университетов. Нечаянно сложилось так, что щедрое финансирование Соединенными Штатами программ культурного обмена между США и Японией, в частности за счет Фонда Рокфеллера, цементировало университетскую иерархию.

С другой стороны, в послевоенной Японии образовалось множество сфер интеллектуального дискурса по исследованиям культуры в повседневной жизни начиная с исследований народного фольклора и заканчивая так называемыми исследованиями науки об идеях (*shiso no kagaku kenkyukai*), которые проводились прогрессивными междисциплинарными интеллектуалами, такими как Цуруми Сюнсуке (Shunsuke), но все они оставались за стенами университетского академического мира. Эти ученые отрицали академический дисциплинарный подход, а отличительной особенностью их дискурса в отношении применимости импортированных теорий к японской действительности был сильный скептицизм. Напротив, в японской социологии начиная с 1920-х годов традиционно сильно развиты исследования по истории западных социологических теорий. В 1980-е годы молодых социологов привлекли труды французских теоретиков М. Фуко и П. Бурдьё. Тем не менее французское влияние не ограничилось социологией, оно гораздо заметнее в междисциплинарных направлениях. Благодаря всем перечисленным особенностям исторического развития, публичный дискурс японской социологии культуры был локализован вовне академической дисциплины.

Естественным следствием этой ситуации стало то, что японская социология в качестве дисциплинарного сообщества не в состоянии предложить социологам культуры никакого связного и авторитетного дискурса. В японской социологии отсутствует эквивалент секции социологии культуры Американской социологической ассоциации. Напротив, с довоенной поры существует прочная институционализация философских подходов к исследованию истории социологии, проявляющаяся в форме Ассоциации по исследованию истории социологии. Эта ассоциация обладает собственными охранительными механизмами в виде рецензируемых журналов и книжных премий. Более того, площадки эффективного публичного дискурса по социологическим исследованиям культуры в Японии в значительной мере диффузны и не сосредоточены внутри самой дисциплины. К примеру, японские коммерческие СМИ часто привлекают ученых к комментированию современных культурных и социальных вопросов. Соответственно некоторые амбициозные социологи культуры в обсуждении конкретных проблем современной культуры ориентируются на политические дискуссии, адресованные широкой аудитории.

НАУЧНО ОБОСНОВАННАЯ МОДЕЛЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

Практики, существующие в современной американской социологии культуры, преодолевают дисциплинарные границы гораздо свободнее, чем в других областях социологии. На симпозиуме по поводу двадцатилетия секции социологии культуры под названием «Культура и ее Другие: Юбилейный симпозиум 2008» (Craige et al., 2008) участники провозглашали, что в действительности социология культуры занимается преодолением дисциплинарных границ и заимствованием знания в других областях. Сам факт таких заявлений на публичном форуме именно секции социологии культуры представляется знаменательным. Это говорит о том, что в отличие от Японии американская социология культуры прочно укоренена внутри дисциплины социологии.

Начиная с 1980-х годов американская социология культуры формировала собственные границы в полемике с двумя интеллектуальными лагерями: позитивистской школой американской социологии, изучающей социально-экономические аспекты культурных процессов, и гуманистической традицией изучения содержания произведений искусства и литературы. С одной стороны, американские социологи первыми вернули культуру в центр социологического изучения при помощи продуцирования таких культурных перспектив, которые прямо согласуются с эмпирической традицией американской социологии. С другой стороны, социология культуры самостоятельно очерчивала свои границы по отношению как к укоренившимся в гуманитарных науках подходам, так и к новым разновидностям, например герменевтике и постмодернистской культурологии. Интересно то, что даже те социологи культуры, которые привержены герменевтике и гуманистическим подходам, ориентируются на создание таких теорий, которые помогают понимать эмпирические факты. Такая позиция заметно отличается от прежних исследований культуры в гуманитарных науках. Характерной особенностью американской социологии является локализация дискурса по концептам культуры и не только в форме различных конференций, заседания секций Американской социологической ассоциации, рецензируемых журналов, что позволяет мобилизовать синергию ученых на формирование научных школ.

Необходимо также отметить, что вообще американская социология зиждется на такой отличительной особенности американского академического мира, как глубокая

институционализация конкурентной профессионализации ученых. Академическая профессионализация в Соединенных Штатах сопрягается с системой открытого для конкуренции рынка труда, на котором приоритетным положением пользуются рецензируемые журналы и присуждение ученых степеней в качестве старта академической карьеры. Многие из отмеченных характерных особенностей впервые были институционализированы в естественных науках. Говоря словами Теренс Хэллiday: «Предполагалось, что дисциплина (социология) взвалит на себя груз общенаучных инициатив, отчасти, как полагается, переработав собственную теорию и открытия применительно к другим научным инициативам, а отчасти, исследуя сам академический мир в качестве социального процесса» (Sociology and Its Publics ... , 1992: 6). В основании глобального сотрудничества и циркулирования научного знания лежат ясность и транслируемость главных понятий, дополненная поступательным приращением знания. Подобный стиль научных исследований в сочетании с институциональной структурой послевоенного американского высшего образования оказался невероятно успешным и был перенят академическими кругами за пределами Соединенных Штатов, нередко под нажимом со стороны государства, ориентированного на мировую конкурентоспособность своих университетов.

Вообще американский стиль конкурентной рыночно-ориентированной профессионализации академической культуры стал заметен в Азии и в Латинской Америке в гуманитарных и общественных науках сравнительно недавно. Традиционный для Азии и Латинской Америки имидж ученого как человека, обладающего глубокими познаниями и проницательностью, либо как политически ангажированного интеллектуала начинает сменяться ученым американского типа — конкурентоспособным профессионалом. В Японии же открытая конкурентная профессионализация все еще не в полном объеме инкорпорирована в общую академическую культуру. В этом смысле послевоенная американизация университетов в Японии не проникла на глубинные уровни академической иерархии. При этом государственное давление, принуждающее двигаться в направлении американского высшего образования путем усвоения модели открытого академического рынка занятости и распределения средств на научные исследования, оказывается в интересах повышения мировой конкурентоспособности японских университетов. Нельзя не признать очевидную гегемонию американской социологии в мировом контексте и как следствие то, что большинство ученых во всем мире постепенно склоняются в сторону американской модели.

Социологические факультеты американских университетов получают как никогда много заявлений от абитуриентов всего мира. В сфере конкуренции между высшими учебными заведениями во всем мире интеллектуальная энергия и ресурсы американских университетов непревзойденны. Разумеется, невозможно отрицать тот факт, что политическая и экономическая мощь Соединенных Штатов играет значительную роль в привлечении непрерывного потока абитуриентов из-за рубежа. Оба отмеченных фактора — качественный уровень американских академических программ и доминирование Америки в мире — ставят перед американскими преподавателями дилемму: обучать зарубежных студентов так же, как американских студентов, и тем самым передавать другим странам американский академический стиль либо проявлять осторожность и внимание и учиться у зарубежных студентов тому, как расширить собственные взгляды, относясь к иностранным студентам как к зеркалу, в котором отражаются принятые в Америке академические подходы.

Быстрый путь подготовки профессиональных социологов — научить иностранных студентов тому, как применять американские теории в контекстах неамериканских обществ. Данный побочный эффект образования, проявляющийся в форме процесса инкультурации, возможно, является неизбежным, но он ведет к понижению уровня оригинальности мышления зарубежных студентов, уменьшая их возможности отыскания альтернативных инновационных точек зрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует призвать к осторожности в осмыслении различных интеллектуальных подходов в различных социальных и политических контекстах. Проблематика развития социологии культуры в общемировом контексте требует от американской стороны соблюдения трех условий: широкого изучения процессов в неанглоязычных интеллектуальных кругах, понимания социально-исторического контекста и ориентиров собственной интеллектуальной продукции. Всему остальному миру следует заняться осмыслением исторических, институциональных и эпистемологических оснований социологии в США, включая социологию культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Buxton, W. J. (2000) Talcott Parsons and Japan in the 1970s // *The American Sociologist*. Vol. 31. No. 2. P. 34–42.
- Crage, S., Hotchkiss, N., Skiles, S., Strand, M. (2008) Culture and Its Others: The 2008 Anniversary Symposium // *Culture* (Newsletter of the Sociology of Culture Section, American Sociological Association). Vol. 23. No. 1. P. 4–5, 8.
- Fukutake, T. (1958) *Shakai Chosa*. Tokyo : Iwanami Shoten. 250 p. (На яп.).
- Hogetsu, M. (2000) A Social World of Sociology in Japan // *The American Sociologist*. Vol. 31. No. 3. P. 5–14.
- Kurauchi, K. (1943) *Bunka Shakaigaku: Nihon no Shakai to Bunka*. Tokyo : Baifukan. 456 p. (На яп.).
- Matsuda, T. (2008) *Sengo Nihon ni okeru America no Soft Power*. Tokyo : Iwanami Shoten. 444 p. (На яп.).
- Seki, E. (1929) *Bunka Shakaigaku Gairon*. Tokyo : Tokyodo. 301 p. (На яп.).
- Shunya, Y. (1998) The Condition of Cultural Studies in Japan // *Japanese Studies*. Vol. 18. No. 1. P. 65–72.
- Sociology and Its Publics: The Forms and Fates of Disciplinary Organization (1992)* / ed. by T. C. Haliday, M. Janowitz. Chicago : University of Chicago Press. xvii, 429 p.

Дата поступления: 6.11.2013 г.

CULTURAL SOCIOLOGY IN JAPAN AND THE USA

YU. V. STAVROPOLSKY

(ENGELS TECHNOLOGICAL INSTITUTE (BRANCH), YURI GAGARIN STATE TECHNICAL UNIVERSITY OF SARATOV)

The article takes a look at the emergence and development of cultural sociology in Japan, which reflected the influence of its American counterpart. In Japan, the sociology of culture (*bunka shakaigaku*) before the World War II was developing in the cognitive frameworks that have emerged in German academia in the late 19th and early 20th century. Under the influence of the German science, the term *bunka* («culture») was construed as idealization of the spirit of the nation, while the discipline known as *minzokugaku* (folklore studies of the customs and arts) was marginalized. Academic life in Japan was finally transformed by the Americanization of the Japanese higher education in the wake of post-1945 occupation.

Reorientation of Japanese sociology towards the empirical social sciences has led to the fact that the concept of culture ought to be understood rather as a set of specific practices at the level of every-

day life, or as a totality of the material codes. In this respect the post-war Japanese sociology has been heavily influenced upon by T. Parsons.

Currently, such popular cultural phenomena as youth subculture, the role of the media, gender and sexuality remain the most conspicuous focus of the Japanese sociological studies of culture. The gap between the institutionalized knowledge with its disciplinary rigorousness, and the information reproduced and distributed by the media, stimulates the cultural research, which in the Japanese context requires dismantling the disciplinary boundaries.

Keywords: cultural sociology, Japanese sociology, American sociology, history of sociology, bunka shakaigaku.

REFERENCES

Buxton, W. J. (2000) Talcott Parsons and Japan in the 1970s. *The American Sociologist*, vol. 31, no. 2, pp. 34–42.

Crage, S., Hotchkiss, N., Skiles, S. and Strand, M. (2008) Culture and Its Others: The 2008 Anniversary Symposium. *Culture (Newsletter of the Sociology of Culture Section, American Sociological Association)*, vol. 23, no. 1, pp. 4–5, 8.

Fukutake, T. (1958) *Shakai Chosa* [Social Study]. Tokyo, Iwanami Shoten Publ. 250 p. (In Jap.).

Hogetsu, M. (2000) A Social World of Sociology in Japan. *The American Sociologist*, vol. 31, no. 3, pp. 5–14.

Kurauchi, K. (1943) *Bunka Shakaigaku: Nihon no Shakai to Bunka* [Sociology of Culture: Culture of the Japanese Society]. Tokyo, Baifukan Publ. 456 p. (In Jap.).

Matsuda, T. (2008) *Sengo Nihon ni okeru America no Soft Power* [American Soft Power in After-War Japan]. Tokyo, Iwanami Shoten Publ. 444 p. (In Jap.).

Seki, E. (1929) *Bunka Shakaigaku Gairon* [Sociology of Culture Theory]. Tokyo, Tokyodo Publ. 301 p. (In Jap.).

Shunya, Y. (1998) The Condition of Cultural Studies in Japan. *Japanese Studies*, vol. 18, no. 1, pp. 65–72.

Sociology and Its Publics: The Forms and Fates of Disciplinary Organization (1992) / ed. by T. C. Halliday and M. Janowitz. Chicago, University of Chicago Press. xvii, 429 p.

Submission date: 6.11.2013.

Ставропольский Юлий Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Энгельского технологического института (филиала) Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина. Адрес: 413100, Россия, Саратовская область, Энгельс, пл. Свободы, 17. Эл. адрес: StJulius@yandex.ru

Stavropolsky Yuliy Vladimirovich, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Engels Technological Institute (branch), Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. Postal address: 17 Ploshchad Svobody, Engels, Saratov Oblast, Russian Federation, 413100. E-mail: StJulius@yandex.ru